



**Я. Т А Й Ц**

# **КОНЬКИ**



**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"**





ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА



Я. ТАЙЦ

# КОНЬКИ

*Рассказы*

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1973

Рисунки В. НАУМОВА

Тайц Я.

Т14 Коньки. Рассказы. Рис. В. Наумова. М.,  
«Дет. лит.», 1973.

32 с. с ил. (Читаем сами).

В книгу известного советского писателя Я. М. Тайца (1905—1957) вошли четыре рассказа о том, как рабочие до революции проводили маёвки, как во время гражданской войны красные бойцы вместе со своим командиром Котовским построили крестьянину дом, о мальчиках и девочках, которые жили в мирное время.

Книга для самостоятельного чтения учащимися первого класса.

Т 0762—292  
101 (03) 73—283—73

Р2



## ВОРОТНИЧОК

*Рассказ школьника*

Мне надо было в школу, а всей Москве надо было на Красную площадь. Я долго ждал на углу, а народ всё шёл и шёл — с песнями, с музыкой, с лозунгами и знамёнами... Сияли трубы, гремели барабаны, все пели, смеялись, плясали — и всё вокруг было красное, красное, красное!..

Я смотрел во все глаза. Незаметно прошёл час-другой; я спохватился и сунулся было пройти, но милиционер погрозил мне белым пальцем:



— Куда?

— В школу, дяденька!

— Ой, врѣшь, сегодня занятий нет!

— А у нас утренник... Все на демонстрацию, а для младших классов утренник...

Тогда милиционер взял меня за руку и сказал:

— Пропустите младший класс!

И провёл меня через толпу.

И я пришёл в школу.

Там в большом зале тоже всё было красиво убрано. Мы танцевали, играли в жмурки, в каравай и пели... А когда роздали подарки, мы ели. Потом пришла Таня со своей мамой. И все стали смотреть, какая у Тани мама — маленькая, худенькая, седенькая... Потом все посмотрели на Таню и засмеялись:

— Глядите, чего она на шею нацепила!

— Разве такие носят?..

Таня смутилась и спряталась за маминой спиной. А её мама сказала:

— Тут смеяться нечего! Хотите, расскажу?

— Интересное если — хотим!

Ребята притихли, перестали грызть пряники и размахивать флажками. Танина мама села на подоконник и начала рассказывать про девочку БERTу. Как ей было тринадцать лет и как у неё была подруга постарше, лет шестнадцати, и БERTа к ней часто ходила, а когда и ночевала. Вот раз к подруге пришли рабочие с кожевенного завода и стали шептаться: „Май, май...“, а что „май“ —

Берта толком не знала. Она пристала к подруге. Та не хотела говорить, но потом открылась:

— Завтра Первое мая, и кожевники устраивают маёвку!

— Я тоже пойду на маёвку! — обрадовалась Берта.

— Тише! — испугалась подруга. — Тебе нельзя, ты ещё мала.

— Я никому не скажу, — шептала Берта. — Я уже большая... я знаю...

Она всё уговаривала подругу, уговаривала, и та наконец согласилась.

— А что ты наденешь на маёвку?

— А я не знаю, что надо.

— Надо что-нибудь красное.

— А у меня ничего красного нет.

— Приходи ночью, будто ночевать.

И вот Берта пришла к ней ночью и тихонько постучалась. Подруга долго не впускала, спрашивала — кто, потом впустила, плотно завесила окно, крепко заперла двери и достала из подпола кусок красного шёлка.

— Вот, — сказала она, — сшей себе и мне воротнички, а я буду шить знамя.

И так они всю ночь сидели и шили. И чуть где что-нибудь скрипнет, они прятали шёлк и прислушивались. А когда стало светать, у них уже всё было готово. И подруга всё убрала, чтобы никто ничего не заметил, и сказала:

— Ты свой воротничок спрячь, а после

гудка приходи на речку, где лес начинается. Там будет патруль, ты ему скажешь пароль, и он тебе покажет, как дальше пройти.

— А какой пароль? — спросила Берта.

Подруга пригнулась к Берте и прошептала в самое ухо:

— Ты ему: „Погодка-то разгулялась“, а он тебе: „Да, денёк отменный“ — и покажет дорогу.

Берта вышла. Город ещё спал. Берта шла и всё повторяла про себя пароль. Вдруг она остановилась и прижалась к забору. По главной улице ехали жандармы, похлестывая коней тяжёлыми нагайками. Берте стало немного страшно. Они тоже готовятся к маёвке! А что, если они схватят её и скажут: „А ну, покажи свой красный воротничок! А ну, какой пароль у кожевников?“

Она побежала домой. А когда на заводе прогудел гудок, она выбралась из дому и пошла к реке. Там сидел рыболов с удочкой. Берта догадалась, что это патруль, и сказала:

— Погодка-то разгулялась!

Рыболов ответил:

— Да, денёк отменный! — и показал, по какой тропке идти.

Берта пошла лесом. В траве она увидела ландыши. Она стала их собирать, потеряла тропку и заблудилась. И не знала, куда идти! И вдруг она наткнулась на человека. Она подбежала:





*По главной улице ехали жандармы.*

— Погодка-то разгулялась!

Человек посмотрел на неё.

— Да, погода ничего, — сказал он. — А ты что здесь?

Берта не растерялась:

— Я... я цветы собираю... Уже ландыши есть. — Она протянула цветы. — Пахнут как!..

— Ландыши? — Человек погладил её по голове. — А ты, деточка, не видала, рабочие здесь не проходили?

— Какие рабочие? — спросила Берта. — В лесу разве бывают рабочие?

Она поскорее ушла от этого человека, долго бродила по лесу, потом увидела — на пенёчке ещё сидит человек. Она осторожно подошла и тихонько сказала:

— Погодка-то разгулялась!

— Да, — ответил тот, — денёк отменный! — и показал Берте правильную тропку.

Берта вышла к оврагу и там, в самой чаще, нашла маёвку.

Она обрадовалась. На траве сидели и кожевники, и щетинщики, и подруга с красным воротничком, и на всех было что-нибудь красное — ленточка, повязка, бантик...

Тогда Берта достала свой воротничок, расправила и тоже надела.

Она легла на траву около подруги и стала слушать, как выступают ораторы на маёвке.

Они говорили про Ленина: что есть таковой Ленин, который стоит за всех рабочих.

И про фабрикантов: что надо на них работать только восемь часов, а не двенадцать. А некоторые говорили, что надо их совсем долой и даже долой царя!..

Потом тихонько пели „Вы жертвою пали“ и „Интернационал“, и Берта подтягивала, как большая. Подруга обнимала её, и Берте было хорошо... И вдруг, когда в третий раз затянули припев:

Это бу-у-дет последний и решительный бой! —

сверху прибежал патруль:

— Товарищи! Рассыпайся! Рассыпайся! Жандармы!..

Песня оборвалась. Все стали срывать с себя красное и разбегаться в разные стороны. Подруга спрятала знамя под кофточку и побежала. Берта тоже побежала, но растерялась и забыла снять с себя воротничок.

И вдруг из-за дерева выскочил жандарм, увидел на Берте красное и ударил нагайкой по красному... И Берта упала...

Тут Танина мама перестала рассказывать. Она сняла с головы платок и откинула седые волосы:

— Нагайка пришлась вот по этому месту!

Все, вытянув головы, посмотрели. Под ухом синела маленькая полоска, будто шрам. Стало тихо-тихо. Слышно было, как вдали, на улице, играет музыка. Кто-то спросил:

— А воротничок?

— А воротничок, — ответила Танина ма-

ма,— от удара разорвался, но я его сохранила... тридцать лет берегла... Вон он, на дочке...

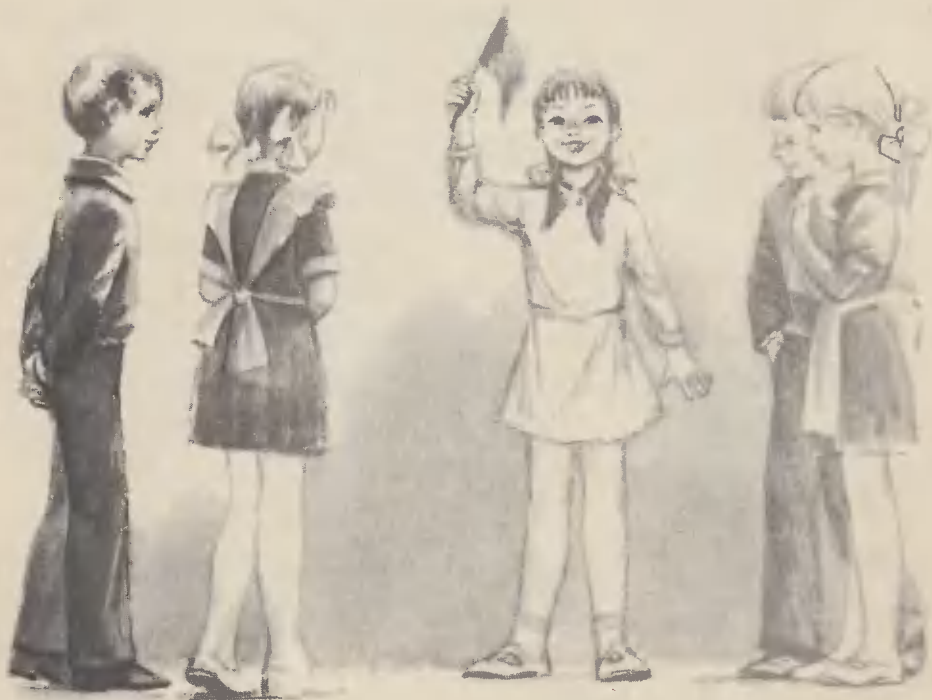
Все с завистью посмотрели на Таню — вот у неё какая мама! Таня гордо поправила на себе воротничок, обняла маму, улыбнулась — и вдруг крикнула на весь зал:

— Погодка-то разгулялась!

И все младшие классы хором, как по команде, ответили:

— Да, денёк отменный!

И бросились к Тане разглядывать старенький, рваный воротничок из полинявшего красного шёлка...







## ДОМ

### 1

За околицей, на отлёте, одиноко стояла изба. Кто в ней жил? Старик Аким, жена его Акулина и ребята: Колька, Толька, Федька и самый маленький — Кирюшка.

Жили ни бедно, ни богато, как в песне поётся:

Он ни беден, ни богат,  
Полна горница ребят,  
Все по лавочкам сидят,  
Кашу маслену едят.

Правда, кашу ели не масленую, а пустую. Время тогда было голодное, шла гражданская война, красные воевали с белыми.

Вот красные заняли это село. А командир у них был известный герой Котовский.

Богатые мужики плохо встретили красных, зато бедные — очень хорошо. А ни богатые и ни бедные — ни плохо и ни хорошо. Так же и Аким.

Ребята его побежали на улицу, а он остался дома — притаился, смотрит в щёлочку.

Запылённые, усталые шли котовцы. Впереди на сером жеребчике ехал сам Котовский — высокий, прямой, статный... Аким вздохнул:

— Серьёзный у них командир, чистый генерал!.. Гляди, Акулина, бабы им хлеба выносят. А Спиридониха им шматок сала несёт... От дурная!

— Беда! — отозвалась Акулина. — Деникинцы были — свинью порешили, петлюровцы были — коня увели, теперь красные пришли — сало отымают. А у нас, кроме дома, и взять-то нечего.

Аким с тревогой оглянулся. И хоть в хате было темно, он ясно видел всё своё, привычное: вот он, сундук, вот она, дубовая кровать, вот они, семь подушек мал мала меньше... Он очень боялся за свой дом. Правда, это был не то чтобы дом, а правильнее сказать — изба. И не то чтобы изба, а вер-

нее всего — избушка. Он сам её в молодые годы срубил, по брёвнышку, по колышку...

В дверь постучали.

— Они! Легки на помине... — зашептала Акулина. — Не пускай их, Акимушка! Не пускай!

Но дверь отворилась, и в хату ввалились ребята: Колька, Толька, Федька и самый маленький — Кирюшка. И ещё соседские: Петька, Мотя, Луша...

Это бы всё ничего. Но среди ребят вышались два котовца в высоких, бутылкой,



шлемах, в потрёпанных шинелях, с винтовками, шашками, гранатами...

— Сюда идите, красные армейцы, сюда, не бойтесь! — шумели ребята. — Сымайте ружья, сымайте шашки! А полемётов нема, „максимков“ этих?

Котовцы улыбались Акиму:

— Домик, верно, славный у тебя, товарищ!

Акиму очень понравилось это слово — „товарищ“, но он боялся: войдут, сядут, а то и лягут, сомнут подушки, угощения потребуют. И вместо того чтобы сказать: „Да что вы стоите? Заходите“, он стал врать:

— Какой там славный! Крыша насквозь сопрела, по всем щелям ветер бьёт.

Акулина запричитала:

— Немцы были — всё жито до зерна обчистили, петлюровцы были — коня увели, поляки были...

Котовец перебил:

— Всё село привечает нас, а в этом славном доме, значит, элемент особый! — Он снял шлем, вытер лицо. — Видать, с беляками сладко-сахарно жилось?

Аким покосился на жену:

— Ох сладко ж! Хряка закололи, жену мою сапогами в живот пинали. — Он разозлился: — Мой элемент такой, что места для чужого дяди у меня нема, хоть он и красный, хоть какой другой. А там как хочете!

Соседские ребята засуетились:



— К нам идите, красные армейцы, к нам туточки близко!

Котовец надел шлем:

— Пойдём, Петров!.. А тебе, хозяин, спасибо за ласку!

Они, хлопнув дверью, ушли. В избе стало тихо. Вдруг Кирюшка заплакал:

— Батька, плохой, почему не пустил?

Старик разорался:

— Цыц! Меня не учить! Голова як казан, а разуму ни ложки!

2

...Три дня отдыхали котовцы в селе, и все три дня Акимовы ребята пропадали у соседей. А Кирюшка раз прибежал вечером, весёлый, важный:

— Ребята, ребята, а я с кем говорил!

— С кем?

— С Котовским!

— Ври!

— Чтоб я лопнул! Он у Спиридонихи стоит. Я туда пошёл, и вдруг — он. С коня слазит. А я не побоялся. Стою такочки, смотрю. А он говорит: „Котовцем хочешь быть?“ Я говорю: „Хочу!“ Он меня тогда взял и на своего коня посадил. Во! А слезто я сам. А он говорит: „Вырастешь — помни К-к-ко-товского!“ Он, ребята, трошки заикается!

— Правда!

— Он!

Ребята с завистью смотрели на Кирюшку. А он достал из-за пазухи какую-то фляжку с заграничными буквами и похвалился:

— Глядите, что я в лесу нашёл! Поляцкая, верно.

От фляжки сильно несло спиртным. Подошёл Аким, повёл носом:

— Это что у вас?

— Нема ничего!

Кирюшка незаметно сунул находку в печь. Легли спать. Среди ночи Акулина вскочила:

— Ой, ратуйте, ратуйте!

Она растолкала спящих. Спасать добро было поздно: горящий спирт из фляжки залил всё вокруг. Сухой сосновый домик горел как спичка. Пришлось всем, захватив одежонку, прыгать в окно. Сотни огненных языков жадно лизали стены, крышу...

Вот рухнули стропила, взметнулись искры, посыпались на Акима... Старик не шевельнулся, будто каменный.

Акулина выла:

— Ой, лихо нам! Ой, ратуйте!

Сбежался народ—кто в штанах, кто в рубахе, кто в чём. Акулину утешали. А Кирюшке хоть бы что. Ему пожар понравился. Хоть бы каждый день такие! И вдруг он увидел маленького полкового трубача и... Котовского.

Кирюшка подбежал, гордый:

— Это у нас пожар, у нас!

Но командир не узнал „котовца“. Он обернулся:

— Дай тревогу!

Сигналист поднял трубу. Пронзительные звуки покрыли всё: треск пожара, шум толпы, плач Акулины...

И сразу сбежались котовцы. И сразу же они привычно, молча строились колоннами повзводно.

Старшины негромко командовали:

— Становись! Равняйся! Смирно!

Изба догорала. Над лесом встало другое зарево — занимался день.

Комбриг прошёлся вдоль рядов:

— Т-т-товарищи бойцы, командиры и политработники! К-к-короче говоря, если мы все, всем квартирующим здесь полком, возьмёмся за работу, то мы, я думаю, поставим к вечеру п-п-погоревшему селянину новый дом. А?

— Надо! — зашумели бойцы.

Аким с подпалённой бородой лежал на земле. Котовский, отмахиваясь от едкого дыма, подошёл к нему:

— Товарищ, можешь показать на бумаге, какая твоя изба была?

— Была?.. — Аким поднял голову, бессмысленно посмотрел на Котовского. — На бумаге не могу, я так скажу... — Он вскочил: — Здесь от такочки были сенцы... туточки — крылечко... ось так — чистая по... половина... — Он заплакал и стал бородой выти-

рать глаза: — Я ж сам её срубил... по брёвнышку... по колышку!..

Котовский поднялся на бугорок:

— По-олк, слушать мою команду! Вечером выступаем! А сейчас — за работу! Топоры и пилы — у командира сапёрного взвода. Гвозди получите в обозе. Там же пакля... Разойдись!

3

Аким не понимал, что такое творится. Один взвод расчищал остатки сгоревшего дома. Другие ушли в лес. Там в утренней тишине застучали топоры, запели пилы. Часто, одна за одной, валились высокие сосны. Бойцы быстро обрубали ветки, обдирали кору и на полковых лошадях везли стволы к пожарищу. Здесь их подхватывали сотни рук и укладывали по всем правилам плотницкого искусства.

Комбриг, обтёсывая жирный бок смолистого бревна, спрашивал у Акима:

— Так, что ли, старик? Окно-то здесь было, что ли?

Старик, разинув рот, остолбенело смотрел на то, как с каждой минутой, точно в сказке, вырастал большой новый дом. К обеду уже поднялись высокие — о семнадцати стволах — стены. Одни котовцы ушли к полковым кухням — пришли другие, стали класть поперечные балки, стелить крышу, заделывать венцы... В стороне визжала





*Сотни рук укладывали брёвна по всем правилам плотницкого искусства.*

пила-одноручка — там мастерились двери, оконные рамы, наличники...

Винтовки пирамидками ждали в углу. Котовский поторапливал:

— Б-быстрей, товарищи! Д-дружней, товарищи!

К вечеру дом был готов. Народ повалил туда. Аким медленно поднялся по новым ступенькам. Они сладко скрипели. Он потрогал стены: может, он волшебный, этот в один день поставленный дом, и вот-вот развалится?

Но дом стоял твёрдо, как все порядочные дома. Пускай окна без стёкол, пол не крашенный, мебели никакой — всё дело наживное.

На лугу заиграла труба. Бойцы отряхивали с себя стружки, опилки, разбирали винтовки, строились. Аким и Акулина выскочили из нового дома, пробежали вдоль строя вперёд, к командиру. Котовский уже сидел на серой своей лошадке. Полк ждал его команды.

— Батюшка! Родной мой, ласковый! — заплакала Акулина.

Она обняла и стала целовать запылённый сапог командира. Котовский сердито звякнул шпорой, отодвинулся:

— Что делаешь, г-гражданка? — Он погладил её по растрёпанной седой голове и протянул руку Акиму. — Живите! Когда-нибудь получше поставим... из мрамора... с колоннами... А пока...

Он привстал в стременах, обернулся:  
— По-олк, слушай мою команду! Шагом...  
Застучали копыта, загремели тачанки, за-  
играли голосистые баяны в головном взво-  
де. Запевалы подхватили:

Пушки, пушки грохотали,  
Трещал наш пулемёт.  
Буржуи отступали,  
Мы двигались вперёд.

И котовцы ушли — гнать врагов, воевать  
за вольную Советскую Украину.

А дом — дом, конечно, остался. Он и сей-  
час там стоит — за околицей, на отлёте, сре-  
ди лугов и полей колхоза имени Котовско-  
го. Так что, выходит, не один Кирюша — все  
в деревне стали котовцами. Впрочем, какой  
он вам Кирюшка — Кирилл Акимыч, предсе-  
датель колхоза.





## КОНЬКИ

Вот живут брат и сестра — Костик и Тома. Томе в августе исполнилось десять лет, и папа подарил ей коньки. Называются „снегогурки“. Это самые лучшие коньки для начинающих.

А Тома — начинающая. Она не умеет кататься, но она зимой видела, как ребята катаются, и всё время твердила:

— Папа, хочу коньки! Папа, хочу коньки! Вот он и купил ей коньки.

Они как санки. Широкий полоз спереди загибается вверх. Сзади шпенёк. По бокам „лапки“.



Вставишь шпенёк в дырочку в каблуке, завинтишь потуже ключом „лапки“ — и мчись куда хочешь, лишь бы под ногами было хоть немного льда или крепкого снега.

Костик спросил:

— Папа, а мне коньки?

— Тебе ещё рано, пожалуй, — ответил папа. — Вот когда тебе тоже исполнится десять, тогда куплю.

Костик не стал спорить. Да и глупо было спорить сейчас, когда за окном стоит жаркий день, все ходят в майках и пьют на каждом углу газированную воду.

Потом наступила осень, и Тома начала готовиться к зиме. Ей сшили специальный костюм для коньков: лыжные штаны, лыжную кофту с „молнией“, шапочку с голубым помпоном и голубой шарф, который будет развеиваться на бегу.

Тома ясно представляла себе, как она выйдет на бульвар, заложит руки за спину и помчится на своих „снегурках“. И все прохожие будут смотреть на неё и думать: „Как ловко бегают на коньках эта девочка в шапочке с голубым помпоном!“

И вот выпал первый снег. Кругом сразу посветлело. Папа стамеской выдолбил в Томиных каблуках дырки и приладил пластинки. А Тома надела свой костюм и стала привинчивать коньки. Но снег тем временем растаял.

Назавтра выпал второй снег. Тома доста-

ла было коньки, но тут и второй снег растаял.

Тома сердилась на погоду. Каждый вечер она слушала радио. Наконец сказали: „Ожидается похолодание, небольшой мороз“.

Тома встала рано, кинулась к окошку — верно: улица покрыта ледком. Все идут осторожно, ворчат:

— Ох и скользко!

А Тома радуется. Она поскорее надела лыжные штаны, кофту, шапочку, привинтила коньки, повязалась шарфом и шагнула к дверям.

Вдруг нога подвернулась, и Тома схватилась за дверь, чтобы не упасть. Но дверь отворилась, и Тома повалилась на стул. Стул опрокинулся, и Тома всё-таки упала на пол.

Костик подбежал к ней:

— Томочка, ушиблась?

— Нет, ничего. Конечно, на коньках в комнате нельзя.

Она ухватилась за стул и давай его толкать. Толкала, толкала, пока не выбралась со стулом на крыльцо. А там ступеньки. Как по ним спуститься? Со стулом нельзя — он широкий. А без стула страшно!

Тома постояла на крыльце, потом позвала:

— Косточка!

— Что?

— Помоги!

— Сейчас!



*Тома схватилась за дверь, чтобы не упасть.*

Костик надел пальто, шапку, валенки, вышел на крыльцо и помог Томе спуститься со ступенек.

— Так, спасибо, — сказала Тома. — А теперь я поеду. Пусти.

Тома думала, что это легко. Она заложила руки за спину, оттолкнулась — и вдруг ка-ак грохнется наземь!

Костик подбежал к ней и помог подняться. Тома вцепилась в него:

— Косточка, ой, только не уходи! Ой, держи меня, а то я падаю... Нет, я еду куда-то!

— Да я тебя держу, — ответил Костик. — Пойдём на бульвар, там лучше.

— Боюсь! — ответила Тома. — Тебе хорошо, когда ты не на коньках.

— Дай мне тогда немножко.

— Сейчас... Потом... Я сначала сама... Пойдём!

Бульвар — вот он, тут, рядом. Но как дойти до него, когда ноги едут не туда, куда нужно, а куда им вздумается?

— Ой, сейчас упаду! Давай лучше туда меня толкай, к ступенькам... Ой, только не отпускай меня, Косточка, миленький!

Костик кое-как помог Томе вернуться к ступенькам. Тома села, отвинтила коньки и легко вскочила на ноги. Ох, как хорошо без коньков!

— Томочка, дай мне немножко!

— Сейчас, Косточка, я только ещё чуточку...

Тома побежала на бульвар. Костик побежал за ней. Там было много ребят. Все ловко катались на коньках.

Тома села на скамейку, привинтила коньки, осторожно встала... Вдруг коньки сами собой поехали, и Тома с размаху хлопнулась на скамейку.

— Что же ты сидишь? — спросил Костя. — Боишься?

— Да нет... просто... посидеть захотелось!

— Тогда дай мне!

— Нет, погоди ещё немножко...

Тома вздохнула, встала и, держась за Костика, нерешительно двинулась вперёд. Но тут одна нога поехала вправо, другая влево, и Тома растянулась во весь рост поперёк аллеи.

— Плохие коньки! — закричала она, лёжа на снегу. — На́ вот тебе, возьми!

Она сняла один конёк, потом другой и бросила Костику.

— Томочка, а ботинки? — взмолился Костя.

— На́ вот тебе и ботинки и ключ... Всё — на́!

Она сняла ботинки, сунула ноги в Костины валенки и побежала домой. А Костик остался на бульваре.

Он долго не возвращался. В обед пришёл папа:



— Где Костик?

— На бульваре.

— Что ж он там делает?

— Не знаю. Падают, наверно.

— Пойдём его искать.

Папа с Томой вышли на бульвар. И тут они увидели Костика. Красный, потный, с синяком на лбу, весь облепленный снегом, он весело подкатил к ним на Томиных „снегурках“.

Тома глазам своим не поверила.

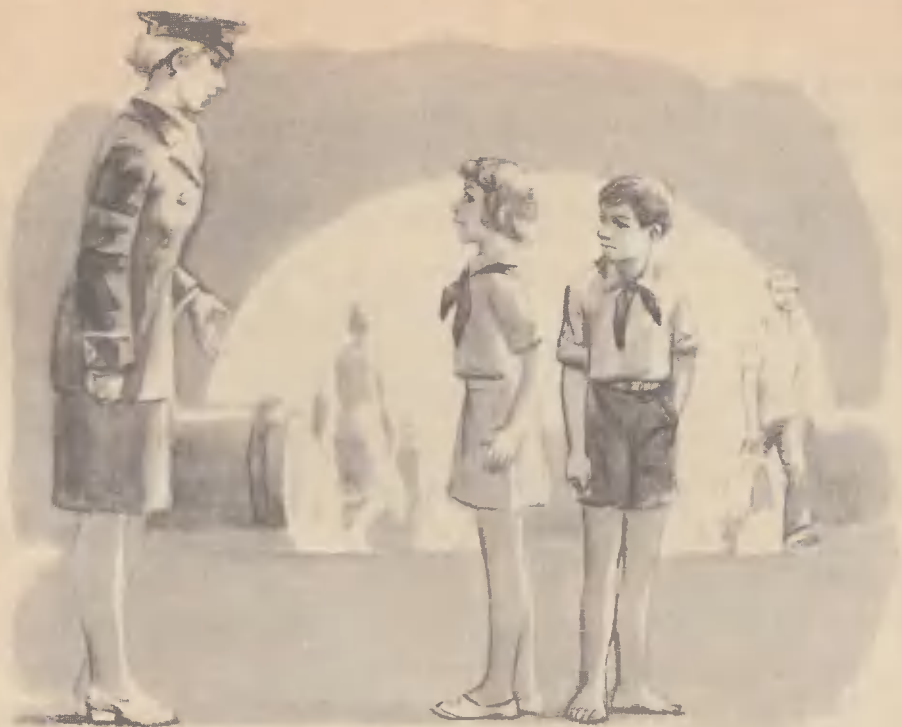
— Научился? — крикнула она.

— Научился! — ответил Костик, лихо взял под козырёк и понёсся вдоль аллеи на блестящих коньках.

Пришлось папе купить ещё пару коньков. И теперь маленький Костик учит большую Тому кататься:

— Ты посмелей только, Томка, не бойся! Тогда научишься.





## ЛЕТОМ

Стоял невыносимо жаркий июльский день. В поисках тени я спустился в метро. Там было очень хорошо. Мраморный вестибюль был полон прохлады.

Я подошёл к кассе. Впереди меня брали билеты пионер и пионерка — оба светловолосые, загорелые, с короткими весёлыми носами. На ней было белое платье и тапочки на босу ногу, а на нём — ковбойка и трусы, а на ногах ничего, кроме загара и пыли.

Я зашагал за ними, думая: „Может, они будут говорить что-нибудь такое, что мне

потом пригодится для детского рассказа. Но они ничего такого не говорили, а просто, взявшись за руки, весело болтали.

Вот они подошли к эскалатору, нареспев прочитали:

ВНИМАНИЕ! ДВИЖУЩАЯСЯ ЛЕСТНИЦА, —

и предъявили билетки.

Контролёрша надорвала было билетки, но вдруг спохватилась:

— Девочка, проходи. А ты, сынок, останься.

— Почему? — спросил мальчик.

— Как — почему? — ответила контролёрша. — Ты босой, а мы босых на эскалатор не пускаем.

— Но почему же? — удивился мальчик.

— Опять „почему“? Да потому, что ступишь босой пяткой, зацепишься ещё за что-нибудь, а мы потом отвечаем!

— Тётяшка, пустите его! — вступилась девочка. — Ведь это он просто закаляется.

— Ну и пускай закаляется, — ответила контролёрша, — только не на эскалаторе. Ребятки, отойдите в сторонку, не мешайте движению!

Ребята отошли в сторонку и стали советовать, как быть. А я издали, из-за колонны, слежу за ними. Мне интересно: покинет ли пионерка своего товарища в трудную минуту или поплетётся вместе с ним по раскалённой, знойной Москве?

И вот вижу: они поговорили, потом она махнула ему рукой и пошла к эскалатору, а он остался. Мне даже обидно стало. „Вот, — думаю, — все они, девчонки, таковы! Чуть какая трудность, они на попятную“.

Я поехал за ней.

Внизу она подошла к соседнему эскалатору и — раз, раз! — быстро скинула обе тапочки и опустила их на нижнюю ступеньку. И сразу обе тапочки — и левая и правая — поехали вверх.

Они ехали очень важно, эти порядком стоптанные тапочки. Они занимали отдельную ступеньку. Пассажиры осторожно обходили их.

Вот обе тапочки подкатили к мальчику. Он их подхватил, стал напяливать на ноги...

— Смотри не разорви! — сказала контролёрша.

Но лестница уже понесла мальчика к подружке, которая ждала его внизу, пальцами маленьких ног трогая холодные глазированные плитки на полу.

Конечно, ничего в этом особенного нет, но мне просто понравилось, как тапочки сами ехали, точно бог весть какие важные персоны.



## СОДЕРЖАНИЕ

Воротничок . . . . .	3
Дом . . . . .	11
Коньки . . . . .	22
Летом . . . . .	29

Для начальной школы

*Яков Моисеевич Тайц*

КОНЬКИ

Рассказы

Ответственный редактор Л. Г. Тихомирова. Художественный редактор Н. З. Левинская. Технический редактор Н. Ю. Крапоткина. Корректор Э. Н. Сизова. Сдано в набор 5/1-1973 г. Подписано к печати 10/IV-1973 г. Формат 70×100<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бум. тип. № 2. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2,6. Уч.-изд. л. 1,69. Тираж 1 200 000 экз. Заказ № 197. Цена 8 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.





Цена 8 коп.

Серия „ЧИТАЕМ САМИ“

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература» выпускает для вас серию книг «Читаем сами». В 1973 году выходят книги:

**ГДЕ ЁЖИК?**

Рассказы о животных.

**ЛЕСНЫЕ ХОРОМЫ.**

Сказки, стихи, загадки, рассказы.

**Толстой Л.**

**МУРАВЕЙ И ГОЛУБКА.**

Басни.

**Ушинский К.**

**РАССКАЗЫ О ДЕТЯХ.**

**ДЕТСТВО.**

Рассказы, стихи, песни.

**НЕТ КОЗЫ С ОРЕХАМИ.**

Сказки.

**Благинина Е.**

**ВОТ КАКАЯ МАМА!**

Стихи.

**Воронкова Л.**

**ПОДРУЖКИ ИДУТ В ШКОЛУ.**

Рассказы.

**Кассиль Л.**

**ТВОИ ЗАЩИТНИКИ.**

Рассказы.

**Чехов А.**

**БЕЛОЛОБЫЙ.**

Рассказы.